

Глава 1

Наши дни

Ива

Мне страшно.
Иррациональный страх, заставляющий потоки крови бежать по венам и артериям быстрее положенного в организме человека. Пульс повышается. Адреналиновая инъекция, но выработанная естественным путем. Тело становится холодным, на коже вздымаются светлые волоски. Дыхание замедляется.

А потом я беру себя в руки.

Мне нравится это ощущение, оно привычно. Точнее, нравилось.

С этим чувством я долгое время была на «ты», оно было моим наркотиком. Я обожала контролировать его: давать себе прочувствовать его полностью, а потом вырезать как ненужный фрагмент из склейки видеоролика. Со страхом мы были друзьями, партнерами и нежными любовниками. Наши отношения строились и на доверии, и на договоренности. А потом он предал.

Могу ли я снова довериться этому чувству?

Теперь страх сам находит меня и делает попытки к сближению, когда я его не жду. Словно флиртует, пытаясь вернуть мою взаимность. Но делает это тонко, маскируясь под норму жизни, не давая снова обуздать его при одном только желании.

Моя жизнь снова изменилась на сто восемьдесят градусов, как только я вернулась из закрытой школы для девочек, получив аттестат, словно ненужный подарок. Два года прошли в закрытом мире, где ничего не происходило, а максимумом для стресса были только не вовремя сданные зачеты и экзамены. Два года я увядала, погружившись в однообразие и рутину. Маленький, тесный мир с одними и теми же персонажами. С распорядком дня, который не изменился бы под угрозой апокалипсиса. Я была заперта там не по своему желанию и даже постепенно привыкла к тому, что все предопределено и что-либо решать я могу только на уроках математики.

Два года — и я снова выкинута из того сонного царства в реальный мир: холодный, равнодушный и абсолютно новый для меня.

Мне не на что жаловаться: я родилась в обеспеченной семье, наполненной абсолютным равнодушием к моей персоне, но к этому привыкнуть было довольно легко, если не знать, что может быть иначе. К моему возвращению на мое имя были уже оформлены апартаменты в элитном доме в центре города, примерно за тридцать километров от места, где я родилась. Мое новое жилище прекрасное, но до одури холодное и мрачное. Несмотря на теплую погоду, в нем постоянно сыро, словно я нахожусь в подвале. Мебель была уже куплена и расставлена к тому моменту, как я прибыла сюда. Но ничем своим, что делает жилище уютным, я еще не успела обзавестись, хотя благодаря отцу на моей кредитной карте всегда есть неплохие суммы. Однако сейчас мой новый дом выглядит как чертов гостиничный номер, продуваемый всеми ветрами.

Мне хочется жаловаться, ведь знаю, что все эти дары просто откупные, чтобы я лишний раз не светила перед родителями. По этой же причине меня отселили от них как можно дальше. Но стоит взять во внимание, что я доставила им в свое время немало лишних хлопот. Такие нововведения в моей жизни не случились без веской причины.

Этот район мне не очень хорошо знаком: когда-то раньше я жила и училась в элитной застройке города, Даствуд. Но здесь, в Центре, я посещала занятия в частном клубе по художественной гимнастике. Благодаря последнему у меня остались какие-то воспоминания об этом месте, но с переходом в закрытую школу ушли и все зацепки с укладом прежней жизни. Узнаваемые декорации города, но я чуждый элемент в его хаосе.

Единственное связующее звено с прошлым сейчас осматривает мое жилище. В глазах едва скрываемое восхищение, но подруга молчит. За это я ей и благодарна. Мне бы не хотелось сейчас услышать что-то в духе «неплохо устроилась».

Я смотрю в панорамное окно, дающее обзор на парк теней — большой зеленый массив, постоянно погруженный во мрак и прохладу. Но стекло сейчас больше отражает меня саму: бледное лицо, широкий вязаный свитер, который приходится носить из-за низкой температуры в доме. Длинные волосы собраны в высокий, не слишком аккуратный хвост — некоторые пряди выбились из него. Рука автоматически поправляет их.

К моему отражению добавляется второе.

— Жуткий вид, — замечает Кэти, имея в виду тенистый парк. Отчасти я соглашаюсь, но в ответ только пожимаю плечами. Я не боюсь силуэтов деревьев, но меня волнует иное: волнение — младший брат страха. Те же симптомы, но уменьшенные вдвое.

— Ты видишь кого-нибудь?

— Где? — Окрашенные брови Кэти немного поднимаются, а карие глаза сужаются. Она тоже пытается смо-

треть в темноту, поймав направление моего взгляда. — Деревья сплошные, сумрак и скука, — добавляет она через несколько секунд. — А что?

Я смущаюсь, потому что мне кажется, что там, среди высоких кленов, я вижу чей-то силуэт. Но скорее всего это игра теней или моего воображения, потому что это звучит более реалистично, и я не героиня тупого хоррора, где меня выслеживает тронутый чувак в маске и с бензопилой.

Закусив щеку, я выдавливаю из себя жалкую улыбку и поворачиваюсь к подруге, глядя на нее уже не в отражении холодного стекла.

— Я скучала по тебе, — тут же меняю тему, но мои слова искривленные.

Кэти — единственный человек, который после произошедших событий два года назад поддерживал со мной связь. Да, это было, по сути, общение по переписке — буквально бумажные письма раз в три месяца, — но все это было важно. Значит, она была на моей стороне, когда остальные отвернулись. Значит, ей можно доверять и всегда можно положиться на нее.

Внутри меня нарастает ком слез от осознания этого и от благодарности, которую я уже не раз высказала Кэти. И сделать это снова будет лишним.

Боже, я вернулась. А моя лучшая подруга снова со мной — милая, ярковолосая девчонка, какой я ее помнила. Теперь уже более взрослая версия себя — Кэти обогнала меня в росте сантиметров на пять. Футболка не скрывает довольно большую грудь, лицо окончательно потеряло подростковую припухлость. Она по-прежнему красит волосы: два года назад они были насыщенно фиолетовые, а сейчас у них красный оттенок.

— Я рада, что ты вернулась, — улыбается Кэти в ответ. И тут же шутливо говорит: — Ну, может, пойдем уже выпьем за встречу? Зимняя королева выбралась из заточения. — Теперь она уже смеется, напомнив мне о спортивном прошлом. Тогда меня многие так называли. — У меня

пиво в рюкзаке. Теперь можно покупать его официально, не то, что раньше. Ну по крайней мере мне.

Мы размещаемся на широком диване и открываем банки. Я подключаю айпод к стереосистеме — аналогу той, что когда-то была в родительском доме. Тут же комнату наполняет чарующая музыка Мэрилина Мэнсона.

— Только не эта крипота, — фыркает Кэти и перехватывает айпод, быстро меняя трек на незнакомый мне, но достаточно бодрящий.

Тело невольно реагирует на энергичные ритмы, и я спысываю это на то, что несколько глотков алкоголя уже начинают заряжать меня. Однако в глубине души знаю, что я специально долгое время ограничивала себя мрачными композициями, чтобы забыть другие, более привычные — те, под которые хочется танцевать. И делала я это когда-то весьма профессионально. Занятия художественной гимнастикой с четырехлетнего возраста — изначально из неуклюжего ребенка пытались вылепить более грациозного. Но спустя десять с лишним лет упорных и непрерывных занятий с самым сложным элементом для выступления с лентой — я уже была подготовлена к международным соревнованиям в секции юниоров.

Мои выступления всегда выделялись зажигательной музыкой — немаловажным элементом композиции. Четко отрепетированные движения — это механика. Но улыбка на лице, несмотря на всю сложность, — это чувства.

Буря эмоций, не помещающихся в грудную клетку, которая разрывается от сбитого дыхания и адреналина в крови, когда музыка затихает после последнего элемента, а алая лента ниспадает от взмаха. И страх — перед началом выступления, в ожидании объявления своего имени. Он отсекает слабых, кто поддается ему и не превращает ваши отношения в игру. И он же становится страстной любовью, если ты даешь ему отпор.

После пары банок пива мы с Кэти, как безумные подrostки, начинаем скакать под зажигательные песни Майли Сайрус. Это нисколько не напоминает хоть какой-то

адекватный танец, скорее, мы просто дурачимся. Подруга даже умудряется подпевать, забравшись на диван и взяв пустую банку пива вместо микрофона.

Глядя на нее, я хихикаю и кидаюсь диванной подушкой, которую она тут же швыряет в меня.

Потом, запыхавшись и смеясь, мы садимся прямо на пол и пытаемся прийти в себя. Но когда Кэти удаляется в уборную комнату, я робко вспоминаю танцевальные движения одного из своих выступлений. Волнообразные движения корпусом, прыжок, легкая пробежка по периметру комнаты — благо ее пространство позволяет. Мои пальцы постоянно хватают воздух и делают взмахи.

Не хватает ленты — моего привычного атрибута. Палочка, присоединенная к ней карабином, когда-то была продолжением моей правой руки.

Я прекращаю свой танец, так и не дойдя до финального аккорда со шпагатом, — резко, отрывисто. Дыхание слегка прерывается, а красное лицо кажется разгоряченным. Чтобы освежиться, подхожу к окну и прислоняюсь лбом к холодному стеклу. От резких перемен температур кожу слегка покалывает.

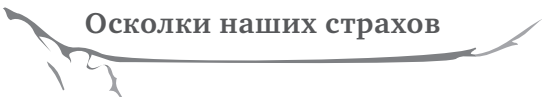
Взгляд невольно впивается в тот просвет между деревьями, где мне причудилось, что я кого-то вижу. Естественно, там никого нет и быть не может. Но даже если допустить подобное, то сейчас, когда на небе сияет белая луна, парк кажется неразрывной черной стеной.

Я бы сейчас не увидела и Халка, стоящего между кленами.

В то время как сама нахожусь под прекрасным обзором. Светящиеся большие стекла от пола до потолка первого этажа здания на фоне ночной мглы — о, наверное, со стороны можно даже увидеть бисеринки пота на моем лице.

Как и мой танец — отчаянный и нервный, после двухгодичного перерыва.

Просто превосходно, если я не ошиблась, и наблюдатель действительно был. Но ведь мне померещилось? Это

Осколки наших страхов

просто атмосфера нагоняет жути для бывшей адреналинозависимой.

Чтобы окончательно убедить себя, что я фантазирую наяву, вызываясь медленно и эротично провожу указательным пальцем по своей нижней губе, а затем языком повторяю этот путь.

Ничего, конечно, после этого не происходит — никакой маньяк с обнаженным членом не выбежал из своего укрытия. Даже не мелькнул свет от телефонов, если бы там скрывались озабоченные школьники.

Неподвижная стена массивных кленов, не подсвеченная даже светом луны, остается непоколебимой.

Но кровь по венам и артериям начинает бежать быстрее положенного. Пульс повышается. Тело становится холодным. На коже вздымаются светлые волоски. Дыхание замедляется.

Страх.

Глава 2

Ива

Два года назад

Устала. Я устала. Но окей.

Слушаю, как помощник директора — мисс Коллинз — пытается тонко убедить меня, что выступление на конкурсе талантов нужно не для репутации школы, а как будто бы даже лично мне. А я должна после ее слов прочувствовать, что мне хватит времени и сил после сложных тренировок для перехода в юниорскую команду еще и на то, чтобы блеснуть перед комиссией в школе «Сент-Лайк»?

— Это обязательно будет отмечено в твоем личном деле, Ива, — подмигивает мисс Коллинз, будто мы совершаем тайную, но жутко интересную сделку. На ее подборке видна хлебная крошка или что-то типа того. Я нервно сглатываю и отвожу взгляд.

— Хорошо, спасибо.

За что благодарю? Если у меня все получится — а у меня получится, — в национальной олимпийской сборной меньше всего будут интересоваться моим лич-

ным школьным делом. Имею в виду, если оно не омрачится чем-то очень плохим — а этого тоже не произойдет.

У меня все под контролем, и совершенно нет времени на глупости, шалости и преступления.

Поэтому я понимаю, что легче согласиться сейчас и действительно выступить с номером в школе, не сильно напрягаясь. В конце концов, на меня будут смотреть не члены профессионального жюри, а клерки из департамента образования. В ином случае мисс Коллинз продолжит меня дергать до конца учебного года.

— До свидания, — обхожу мисс Коллинз стороной и иду в сторону раздевалки, отгоняя от себя видение хлебной крошки — я очень брезгливая в таких мелочах.

Не глядя на заполняющих помещение школьников, подхожу к своему шкафчику, чтобы достать нужные тетради. Рядом с инициалами «Ива Колди» наклеено розовое сердечко из фольги — это идея моей лучшей подруги с тех пор, как мы перешли в старшую школу. Кэти прикрепила к себе такое же и сказала, что это стильно и выражает индивидуальность, хотя я уже второй год не понимаю, как подобное может что-то говорить про какую-либо самоидентичность. Плевать.

Открыв шкафчик, я тут же вижу белеющий лист бумаги, вырванный небрежно из чьей-то тетради.

Размашистый почерк — альтернатива моему каллиграфическому — и дебильная запись черной гелевой ручкой.

«Если Стив Холлоран подойдет к тебе по любому поводу — пошли его сразу же. Даже не разговаривай. Он хочет тебя трахнуть».

Я даже понятия не имею, кто такой этот чертов Стив. И если бы этот незнакомый мне парень действительно со мной заговорил, я бы сама довольно быстро прекратила начало общения. Потому что мне неинтересно подобное.

Меня намного больше беспокоят эти тупые записки, которые время от времени подкидывает в мой шкафчик какой-то свихнувшийся псих: застегни верхнюю пуговицу

на блузке: ты привлекаешь к себе лишнее внимание, смени спортивную форму на физкультуру на что-то менее облегающее: на твою задницу плятятся даже тренер М., если получишь приглашение на вечеринку Л. Д., откажись: там все напьются и перетрахаются.

И все в подобном духе с одним и тем же, чуть ли не менторским, тоном.

Когда я, не выдержав, пожаловалась на это мисс Коллинз в надежде, что школьная администрация с ее поддачи найдет этого преследователя, отстранит от занятий и не позволит приближаться к моему шкафчику, то была крайне разочарована. Женщина, читая эти бредни, всего лишь улыбнулась мне как ребенку, который устроил драму на ровном месте. А потом выдала:

— Ах, Ива, в старшей школе у меня, помнится, тоже был тайный поклонник, который подкидывал мне записки с признаниями в любви. Юноши в вашем возрасте бывают довольно скромными и порой могут только так выражать свои чувства.

Тайный поклонник?

Признания в любви?

Выражение чувств?

Скромность?

Ни в одной из этих долбанных записок не имелось ни единого намека на подобное. В них не было ни капли романтики или намека, что я вообще нравлюсь этому тупому маньяку. А скромность для меня никак не вязалась с тем, что псих прямолинейно и нагло каждый раз диктовал, что мне делать, а что нет.

Если бы у меня было больше свободного времени, я бы точно выяснила сама этого сукиного сына и надрала бы ему задницу. В моем воображении почему-то он представляется забитым ботаником, которого все гнобят, и он объектом своего гиперфикса выбрал, к сожалению, меня. Ну да, один из тех тихонь, про которых через несколько лет передают по новостям, как он убил десяток невинных женщин или устроил массовый расстрел. Это очень дерь-

мовая ситуация, но у меня правда нет времени выводить ублюдка на чистую воду.

Поэтому я просто сминаю записку и выкидываю ее в переполненную урну. Стукнувшись о край корзины, она отлетает в сторону — баскетболист из меня отвратительный. Но я не их тех плохих девочек, что могут мусорить и не испытывать за это чувства вины. Поэтому, скинув рюкзак с плеч на скамейку, наклоняюсь и брезгливо перекладываю смятую записку по месту назначения.

Не успев выпрямиться обратно, слышу, как надо мной звучит незнакомый голос.

— Привет? — Почему-то в тоне слышатся вопросительные интонации, как будто говорящий сам сомневается к кому обращается. Ладно, на данный момент обращение идет все же к моей наклоненной спине, поэтому я спешу быстро выпрямиться и обернуться.

— Привет? — Подражаю я интонации и смотрю в упор на мускулистого парня в футболке с эмблемой местной баскетбольной команды. Пожалуй, я его даже знаю — вроде, выпускник, вроде действительно играет в школьной сборной, но лично мы не знакомы.

Прямо смотрю в его глаза, замечаю на его груди округлое пятно и понимаю, что это пот, которым от чувака просто разит за версту.

Ничего не имею против подобного — после тренировок я порой сама бываю мокрая насквозь, но всегда стараюсь тут же принимать душ, чтобы смыть с себя неприятный запах. Мы вроде в цивилизованном обществе живем.

Понятия не имею, что нужно от меня этому парню, но очень не хочу продолжать разговор дольше одной минуты. И в то же время все как-то ужасно неприятно затягивается, потому что чувак вместо того, чтобы выдавить из себя продолжение речи, оценивающе разглядывает меня, будто стоит ли мой внешний вид его внимания.

На самом деле в старшей школе каждая девушка подвергается таким осмотрам, стоит поступить в девятый класс. И в этом нет ничего нового. Эта мужская психоло-

гия или что-то типа оценивания новой девчонки. Внешность многое решает, и от нее позже зависит популярность каждой девушки: будет ли она получать внимание от парней и вообще интересоваться их. За последние полгода в старшей школе на меня так смотрели часто, но дальше этого не заходило. Видимо, я недостаточна симпатичная. Наверное, если бы я была не такой занятой, то меня бы этот факт довольно сильно огорчал.

— Как дела, детка? — Наконец, потный самец решает все же изобразить какую-то беседу.

— Нормально, — отвечаю я, но встречного вопроса не задаю в надежде, что он поймет и увидит, насколько я не заинтересована.

Но уже вижу, как открывается рот парня для какой-то новой фразы. Что ж, ладно. Только ничего не происходит, потому что из дальней части коридора слышится громкий возглас.

— Стиви, чувак! Тебя Джонни-мэн ищет! Срочно!

Парень оборачивается и уточняет, так же крича в ответ:

— Тренер? На хрена?

Стиви? Стив?

Теперь я уже плююсь на этого Стивена-стало-быть-Холлорана, потому как буквально минуту назад читала о его прибытии от моего ясновидящего сталкера. Фу... Фу! Я отхожу в сторону от него, стараясь задержать дыхание.

Так! Все. Это ни капли не смешно. Ни капли.

— Говорит, ты лажал на тренировке. Был похож на дышащую гориллу.

Я мысленно смеюсь с этого сравнения и тоже оборачиваюсь взглянуть, с кем общается этот *Стив-по-мнению-анонима-желающий-трахнуть-меня*.

— Что за бред? — возмущается он.

— Иди сам разбирайся, — отвечает его собеседник. — Меня ваша херня ни капли не волнует, чел.

На секунду мы с ним пересекаемся взглядами, и я вспоминаю.

Эта же раздевалка, и я стою перед своим новым шкафчиком, читая на нем свое имя. Я только что сменила обувь, потому что, добираясь до школьных ворот, успела промокнуть — август выдался на редкость дождливым для нашей местности.

На открытой дверке висит новое расписание, где обозначены аудитории, в которых будут проходить занятия. Но новая школа такая огромная, поэтому рядом с расписанием уроков я вывесила и ее план, чтобы не запутаться, куда мне нужно идти.

Математика, третий этаж, левое крыло, пятая дверь от лестницы.

Пытаюсь запомнить, потому что сейчас боюсь налаживать, запутаться, начать первый день в девятом классе с опоздания.

В коридоре достаточно шумно, но никто, кроме меня, не выглядит встревоженным. Народ обменивается приветствиями, кто-то обнимается, кто-то шумно рассказывает, как провел каникулы. В принципе то же самое было и в младшей школе, но самое главное отличие, пожалуй, в том, что здесь все выглядят раскрепощеннее и взрослее, слышится мат, и еще я заметила краем глаза, как в двух шагах от меня начинает целоваться парочка. С языком! Парень, с виду восемнадцати лет, просто облизывает свою девушку, от чего она издает тихие стоны.

Я смущенно отвожу взгляд, чтобы меня не заметили. Подобные вещи для меня в новинку, но только в реальности. Сериалов о старшей школе я посмотрела более чем достаточно, чтобы представлять, как тут все устроено.

С другой стороны от меня, ближе к окну, громко о чем-то разговаривает компания парней — замечаю их бегло. Вроде бы тоже старшеклассники, может, класс одиннадцатый. Стараюсь не заострять взгляд, чтобы ненароком не привлечь к себе лишнего внимания, потому что пока боюсь их.

Но не успеваю: чувствую на себе пристальный взгляд одного из них. Испуганно снова впиваюсь глазами в свое

расписание, но боковым зрением вижу, что парни смотрят в мою сторону. На секунду их бурный диалог даже замолкает, а потом слышится громкий смех.

Надо мной. Ладно. Ничего страшного — я сейчас уйду, а они, возможно, посмеются над кем-нибудь еще.

Закрываю дверцу, отчего она издает протяжный писк от магнитного устройства, и с ужасом наблюдаю, как от той компании отделился один парень и идет прямо в мою сторону. Возможно, ему просто по пути, но про- верить не хочу и тут же направляюсь в сторону холла, закинув на плечо рюкзак.

Математика, третий этаж, левое крыло, пятая дверь от лестницы.

Десять поспешных шагов — и на мое плечо ложится чья-то рука. Я на автомате иду дальше, но меня просто оттягивают назад за рюкзак. Черт, ладно.

— Что случилось? — спрашиваю, контролируя, чтобы мой голос звучал не грубо, не испуганно, а максимально дружелюбно. Мне не нужны лишние риски.

Тот, кто вцепился в меня оказывается высоченным парнем в серой толстовке с капюшоном и черных джинсах. Странно, это точно не местная школьная форма для мужского пола. Но это, опять же, не мое дело.

— Нам нужно поговорить, — отвечает незнакомец, наконец выпустив мой рюкзак из захвата.

Я отлично понимаю, что у нас точно не может быть общих тем для разговора, но решаю не нарываться.

— Давай. О чем?

— Не здесь, — обрывает меня старшеклассник, намекая, что мы стоим среди вновь подошедших школьников, которые в данный момент заходят в раздевалку. С силой удерживая за плечо, он ведет меня в сторону большого витражного окна, где сейчас никого нет. Я просто радуюсь, что это не какой-нибудь темный уголок, и от остального народа нас отделяет только небольшой угол коридора.

Солнечный свет пробивается через мозаичное окно, попадая на лицо парня и играя на нем разноцветными

красками. Для галочки отмечаю, что этот молодой человек охренительно красив: светлая чистая кожа, правильные черты лица, а сочетание темно-русых волосы с понастоящему ярко-зелеными глазами выглядит эффектно. И да, рост. Не удивлюсь, что до полноценных двух метров ему не хватает разве что пары-тройки сантиметров.

Мне не нужно быть прожженной девицей, чтобы с первого взгляда понять, что этот парень сто процентов является одним из красавчиков школы, если не самым красивым. Потому что я вижу его впервые — и уже под впечатлением.

— Ива, — начинает он разговор, пристально глядя на меня своими пронзительными глазами. Знает мое имя? Ага, это легко было прочесть на моем шкафчике, проехали. — Нам с тобой нужно сразу прояснить один важный момент. Отнесись к этому серьезно сейчас, okay?

Я киваю. Мне даже становится немного любопытно.

— В общем, пора тебе узнать, что ты моя девушка.

Впрочем, он мог бы на этом и закончить, потому что мне все сразу стало ясно. Красивый парень, новая «зеленая» девушка в школе — я таких сюжетных поворотов видела в сериалах в огромных количествах. Развилка сюжета не так много, но самое вероятное — спор с друзьями, что так громко смеялись на то, как развести новенькую, навесив мне лапшу на уши. Чем быстрее я на это поведусь, тем скорее красавчик отчитается остальным, насколько он крутой мачо.

Мне не нужны проблемы. Я не хочу как-либо подводить этого парня в его споре на меня, чтобы потом он мне ставил палки в колеса. В конце концов, с меня ничего не убедит, если он наплетет через минуту своим друзьям, что я влюбилась в него за одну только фразу.

— Хорошо. Договорились.

— В общем, мы с тобой пара и все такое, — продолжает красавчик нести свою чушь. Я в свою очередь продолжаю его слушать, удивляясь его выдержке: как он сам не смеется — настолько все глупо и неестественно зву-